

Евгений Перемышлев

Остролябия, сиречь – феодолит, и антоновское яблоко весной

Памяти С.Б. Джимбинова, знатока литературных символов и эмблем, виртуозного толкователя зарубежной классики, не знавшего иногда вещей самых обыденных, что бывает, если живешь только в пределах культуры.

Покойный Ю.К. Щеглов в комментариях к романам «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», от издания к изданию становившихся обширней, научней и дальше от комментируемого первоисточника, отметил, что появление героя, молодого человека лет около двадцати восьми, в зеленом костюме, с шарфом, но без носков и пальто, знаменует начало романа, завязку, столь необходимую этой литературной форме.

Почему завязка пришлась на пятую по счету главу, он не уточняет, равно и не пишет, что, собственно, завязка определила, и отчего главы, посвященные жизни в уездном городе, который не имеет и полного имени, а прячется за литерой N, каковую иной посчитает за номер, завязкой не являются, а поскольку завязка оказывается не в начале книги, и вообще остаются на периферии – и сюжета как такового, и данного художественного построения.

Ход мыслей исследователя можно понять. Он занимается не конкретикой, впрочем, используя при случае приметы времени, детали эпохи, в его работах очевиден интерес к величинам универсальным: повествовательным структурам, топосам, «общим местам» (которые было бы вернее назвать «места общего пользования», до того места эти истоптаны и оприхожены самыми разными авторами). Чтобы составить реальный комментарий, надо знать и ценить реалии, но XX век не античность, толкуемые романы не Овидиевы «Метаморфозы», исследователю

досконально известные. Потому интуиция заменяет порой знание частных. Комментарий о многом догадывается, еще больше чувствует и, сознавая неполноту своих познаний в данном вопросе (при стремлении к универсалиям), сомнительность значительной части этих самых подробностей и трудность интерпретации, поскольку не все поддается вербальному описанию, предпочитает многое обходить молчанием.

Взять хотя бы начало главы «Великий комбинатор». Тут что ни слово или оборот, то – не смысл, но эмблема, наглядный и не артикулируемый указатель, демонстрирующий, куда направлен смысл, обращена интенция. Движение веток с листьями, перемещение кроны, бывает, наклон ствола – эмблема ветра, который без каких-либо знаков возможно ощутить и нельзя увидеть въяе.

Первое короткое предложение в десятке с чем-то слов можно поделить на сегменты, каждый из них достоин развернутого истолкования: за полчаса до полудня, при главных точках суток – полдень и полночь, иначе – совсем незадолго до середины дня (когда полдень и часть идиомы, вроде «полдня жизни»); северо-запад, противу юго-западу, постулированному в заглавии сборника Э. Багрицкого и ставшему знаком целой литературной школы; кроме того, и топоним, произведенный супротив Новгороду, таит антитезу, хотя бы и заимствован из лесковских «Соборян»; молодой человек, родившийся в 1899 году, «ровесник века», как выражался Ю. Олеша, разглагольствуя о своем поколении, но думая о себе. Культурный фон локален и узнаваем, и на нем заметней название деревни, со стороны которой вошел в город Старгород молодой человек, должный организовать романную структуру, выстроить ее вокруг себя, для собственного удобства, и обжить. Ведь чмара или, в более привычной огласовке, шмара – проститутка либо сожительница блатаря, а здесь их – целая деревня.

Но это уже не эмблема, указывающая на явления и понятия общеизвестные, а речевой пуант, образец «фольклора Мыльниковых переулков», вспоминая мемуарный пассаж Н. Мандельштам. И в таком контексте фигура молодого человека, одетого с небрежностью голодранца, без носков, без денег, квартиры и ключа от квартиры, тем не менее исполненного решимости, насмешливого, деятельного, не унывающего, если дело не задалось, не столько фигура ро-

манная, сколько жизненная. Провинциал, отправившийся искать место под солнцем, выхватывать из рук судьбы кусок поувесистей. Таким был, в частности, В. Катаев, перед тем как отправился покорять столицу: «оборванец с умными живыми глазами».

Хотя, по его утверждению, из Харькова он приехал в замечательной, когда вымерять мерками провинциальными, слегка ношеной шубе, а у вошедшего в город молодого человека не было и пальто, разница невелика. В. Катаев довольно наголодался и нахолодался, он знал, что такое ложиться спать без ужина, не ведая, будешь ли завтракать утром, знал, как мерзнет человек, одетый не по сезону, да вдобавок и с пустым желудком. На дворе вторая половина апреля, после захода солнца холодно, будто зимой, и лужи подернуты тонким льдом. Рука, в которой молодой человек держит астрорябию, коченеет, переложив ношу, он сует заязбшую руку в карман пиджака. Организм его юн и силен, рука быстро отходит. Он шагает дальше, время от времени грея стынущую на железе руку в кармане, где нет ничего, только яблоко, случайно туда попавшее. Ночевал на чужом сеновале, вот и прихватил антоновку. Крупные яблоки хозяева повыбрали, завалилась дробная мелочь.

Чтоб избежать недоразумений, тотчас откинем подлюю (в давнем словесном значении) выдумку, будто прототипом Бендера стал именно В. Катаев. Тогда почему не любой одессит, вышедший на перрон Брянского вокзала и напряженно прикидывающий – как ему добраться до Чистых прудов, достанет ли припасенных денег на извозчика: московские извозчики, душегубы и кровопийцы, не зря их племя дало Комарова, вытрясут из провинциала распоследнюю копейку вместе с последним самоуважением.

И тут пролегает разница. Таится рознь не в том, что Старгород не Москва, или что у приехавших одесситов деньги на извозчика припрятаны, тогда как у молодого человека в зеленом костюме в талию не имелось ни гроша, рознь в способе передвижения. Кто знает, почему герой идет в город пешком, а не едет, например, по железной дороге?

Оборотистость, применение к обстоятельствам, демонстрируемые впоследствии Бендером, дороже всяких денег. Этот герой придумал бы, как попасть в вагон без билета, а попав, устроился

бы с возможным удобством. Такое вероятно, если нет багажа (или неумехи-спутника), когда руки свободны, движения ничем не скованы. Увы, шмыгнуть в вагон либо демонстративно туда проследовать герой не может. Не кондуктор, так кто-нибудь из пассажиров непременно скажет: ну куда ты прешь со своей железкой? И для чего тащить тяжелый, странный и оттого заметный предмет, должно быть, прихваченный на ходу, вроде чужой антоновки?

Да, ведь ни слова не было сказано, что же такое за вещь – астролябия. Это совсем не то, что принято думать. Глава четвертая, предваряющая главу, где появляется молодой человек с железным прибором, называется «Муза дальних странствий», по стихотворной цитате. Представляются аквамариновые просторы вод, пространства небес и в нить растянувшиеся по небу облака, приметы кругосветного плавания, тогда как здешняя астролябия предназначена для дел сугубо земных. С классической астролябией, планисферной, которая дает возможность определить координаты и время, ориентируясь по Солнцу и звездам, данный инструмент связывает лишь имя. Забавно, описание планисферной астролябии в качестве прикладных упоминает задачи из области астрономии и астрологии, о построениях на местности помянуто мельком, для того имеются другие инструменты с иными названиями.

Это в традиции западной, где, между прочим, для назидания сыну трактат об астролябии, представляющей из себя отсчетный круг – лимб – с визирным устройством – алидадой, создал Д. Чосер, основоположник и английского литературного языка, и английского языка научного. Однако в документе петровской эпохи, писанном местным слогом, упоминается «половинчатой остролябиум», или, по именованию из документа, относящегося к тому же десятилетию, «феодолит». Инструментом этим пользовались не моряки, употребляли его для геодезических работ, в частности, для межевания. Конструкция тоже отличалась: прибор, упомянутый в документе, – это полукруг, который, чтобы производить горизонтальные измерения, необходимо устанавливать на опоре. Но по абсурдной традиции, этот инструмент, другой конструкции и с функциями теодолита, в России продолжали величать астролябией. Зато и рядовой землемер из-за пу-

таницы имен способен был почувствовать себя мореплавателем, по крайней мере открывателем новых земель.

Бендер, впрочем, не мореплаватель, не академик и не слесарь, зачем ему эта тяжеловесная механика? Он, что не раз показал в дальнейшем, свободен в обращении и с более значительными материальными ценностями. Вот и яблоко, не имея за душой ни полушки, отдал беспризорному, а мог бы ничего не давать, цыкнуть зубом или отделаться фразой о ключе от квартиры с деньгами, которой, по уму, следовало бы отлиться не в русском слове, застыть в кованой латыни. Яблоко бы сохранилось до случая более подходящего: антоновка к середине весны такой же объект натурально-символического обмена (этнологи используют термин «потлач»), что и золоченое ситечко, заимствованное у Грицацуевой и отданное Эллочке Шукиной в обмен на стул.

Так почему герой, организующий романную структуру если не по своему образу и подобию, то для собственного удобства, тратя силы, вносит в художественную форму увесистую штуковину? Ответ на этот вопрос отчасти содержит ответ и на вопрос – почему он шествует пешком.

Как заметили М. Одесский и Д. Фельдман, отсутствие у героя носков – явный знак его пребывания в ДОПРе, носки истлели, расползлись. Впору сказать, что герой отряхнул этот прах с неутомимых двадцативосьмилетних ног. Но титулованные и остепененные авторы ничего значительного более не высказали, тем подтвердив максимум баснописца, что каждый должен судить на своем уровне и ни стратой выше, а рассуждения их о преступном ремесле героя сомнительны и расплывчаты.

Романисты, кажется, и сами не очень определились с этой проблемой. Старый шарф на могучей шее Бендера, скорее всего, рудимент, позабытый за разворотом сюжета, и должен был указывать, что этот персонаж – карманник, ширмач. Если уж у него нет пальто, шарф, прикрывающий шею атлета, и совсем ни к чему. Но этот попервоначально третьестепенный персонаж развил такую кипучую деятельность, выказал такой характер, что вышел в премьеры. Шарф оказался излишним, и в романе больше не упоминается. По карманам Бендер не лазает, марвихером, весьма умелым, с дореволюционным стажем, оказывается

Паниковский, карманными кражами промышляет Балаганов, но он работник без квалификации, за что и платится.

Бендер противозаконных действий избегает не из чистоплюйства или осмотрительности, а согласно убеждению, своду чтимых им разнородных ценностей. Он при случае крадет, хотя старается не красть, с пренебрежением отзывается о брачных аферистах, хотя, если надо, женится и обирает жену, вернее – он и женится для того, чтобы оципать свою курочку, но заимствование должно представляться справедливым разделом имущества.

Воровской специальности у Бендера нет. Поставив цель, он подбирает средства, и виноват ли, что цель – материальное преуспевание, а среда, в коей надлежит пребывать, чтобы преуспевания достигнуть, злонамеренна и темна. Он, говоря высоким слогом, «ровесник века», добавим – своего. Век его создал, воспитал, но вдруг оказалось, что век-то был не по календарю, XIX, а XX век устроен много сложнее предыдущего. Изменились скорости, изменились условия существования. Копить? Делать карьеру? Невозможно. Выжить бы, а если брать, так сразу, когда подвернется случай. Люди с воровской специальностью высокого разбора оказались не у дел. Экспроприаторы были подвергнуты экспроприации, пострадали, как водится, социально незащищенные, существовавшие за счет узаконенных политэкономической наукой экспроприаторов. До революции Паниковской был слепым и жил припеваючи – дом, семья, самовар на столе; революция не помогла ему прозреть, она смела его с пути, вместе с палочкой и синими очками. На его могильном камне только и остается нацарапать – «здесь лежит человек без паспорта».

Бендер не менял ни рода деятельности, ни профессии. И потому что воровскую специальность не меняют, и никогда – в тот период отечественной истории – не смешивают ремесла. И потому что ни специальности, ни ремесла он не имел.

Этот герой, вошедший в сюжет романа со стороны деревни Чмаровки, не проходимец. Он расположился в повествовательной структуре, начал совершать поступки, которых от него не ждали. Он авантюрист, это звонкое слово означает свойство натуры. Авантюризм не является преступлением, если не влечет за собой преступных деяний, и это слово отсутствует в каком бы

то ни было разделе законодательства. Бендер подчеркивает: он чтит уголовный кодекс. Он и впрямь старается балансировать на грани, не выходя за клетки правового шахматного поля. Он извлекает выгоду из обстоятельств, зачастую сам их моделирует, что, опять-таки, не есть правонарушение. Люди – народ пуганый, отчего склонный, при всей своей недоверчивости, идти на компромиссы.

Условие это чисто российское. И прошлое дает тому примеры. Вот фрагмент из книги «Былое и думы», где нарисована вполне бытовая олеографическая картинка: «Землемер ли едет с поручением через вотскую деревню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астролябию, вбивает шест, протягивает цепь. Через час вся деревня в смятении. «Межемерия, межемерия!» – говорят мужики с тем видом, с которым в 12 году говорили: «Француз, француз!». Является староста поклониться с миром. А тот все меряет и записывает. Он его просит не обметить, не обидеть. Землемер требует двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собирают деньги – и землемер едет до следующей вотской деревни».

Думаю, подробно растолковывать – какой азимут брал молодой человек лет около двадцати восьми с астролябией в руках – теперь нет особой нужды. Сколько он пребывал в ДОПРе, перед тем как шагнуть на страницы романа в зеленом костюме, без носков и пальто, но с шарфом на шее, – тема дискуссионная. Может статья, чуть меньше года – арестован еще по теплу, когда пальто излишне. Может статья, чуть меньше двух – на 1925 год приходились землемерные работы по уточнению крестьянских наделов. То, что опора вбита, и землемерный инструмент прилажен на баксе не осенью, понятно. Осень – пора урожая, мелкий собственник в это время лютеет, становится особенно недоверчив, подсчитывая скорые барыши.

Отбыв срок, герой получил на руки отобранные у него при задержании или аресте ценные вещи: именно астролябию. Палка, на которую он устанавливал инструмент, никакой ценности не представляла и была выброшена тогда же. Астролябию герой, характеризуемый, что указывалось выше, легкостью в отношении и более значительных материальных ценностей, оставил.

Вряд ли он собирался вновь использовать ее в качестве орудия производства. Снова наступать не следует даже на грабли, что говорить об инструменте более сложном. Тем не менее выкинуть хорошо послужившую вещь неловко. Потомок янычар бывает и мягок, и сентиментален. Из такой вот чудной сентиментальности тащит он, шагая пешком (муза дальних странствий плутовского романа иронична), железную штукювину, с которой не пустят в вагон, особенно когда владелец багажа не имеет билета.

Это, а не боязнь попасться на глаза сотрудникам милиции (догадка, выдвинутая М. Одесским и Д. Фельдманом, которые считают, что отсутствие носков будет сразу обнаружено и точно истолковано), заставило героя отринуть блага цивилизации в виде плацкартного вагона, что берут с боя (старик Синицкий мог бы составить ребус, где в качестве посыла был бы лозунг «В борьбе обрешь ты право свое», а в качестве решения – объявлена посадка для пассажиров с плацкартой). Бендер чувствует свою моральную правоту и неподсудность и отправляется на привозной рынок. Там дважды мимо него прошел агент местного губрозыска, однако неимение кое-каких деталей гардероба не стало веской причиной для проверки документов.

На рынке не без труда астролябия была продана. Отдавая покупателю товар, Бендер заметил: сама меряет, было бы что мерить. И это истинная правда. Но слесарь, купивший астролябию за три рубля, был человеком механическим. Рожденный сделать сказку былью, в сказки он не верил.

